

СВЕТ
ТРЕБУЕТ
ЖЕРТВЫ.

ПРАВДА
ТОНЕТ
В ЧЕРНОМ
ПРИЛИВЕ.

МЫ ДЕТИ
ВРАГОВ.

И МАЯК
ЗОВЕТ
НАС ОБОИХ.

КРОВЬ МАЯКОВ

Найва Арайя

18+

Найва Арайя

Кровь маяков

<https://litres.ru/74244463>

SelfPub; 2026

Аннотация

Инма с детства знала, чем закончится ее жизнь. На Побережье, переживающем Прилив, детей огня растят ради одной цели: однажды отдать свою кровь Маякам, чтобы их свет и дальше защищал города от тварей, скрывающихся в черной воде.

Но в ночь обряда, когда кровь Инмы касается фонаря, свет Маяка не отпугивает чудовищ — он зовет их. Твари поднимаются из моря прямо к берегу, и город, который должен был быть спасен, захлебывается ужасом. Объявленную проклятой, Инму бросают в воду, чтобы она сгинула вместе с теми, кого привела.

Вот только твари не убивают ее. Теперь Инме предстоит выбрать: сгореть вместе с ложью или погасить маяки и выпустить на берег правду. Даже если для этого придется встать против целого Побережья, создателей Маяков — и против Харлана Рурка, сына человека, который приказал ее убить.

Содержание

Пролог	4
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Найва Арайя

Кровь маяков

Пролог

Инма проснулась от низкого скрежета.

Она несколько секунд лежала неподвижно, слушая темно-ту, и только потом поняла, что ее разбудило не море. Море дышало за скалами, глубоко и тяжело. В спальне Дома Детей Огня тоже все было как всегда: у двери, клюнув носом в грудь, спала младшая наставница; Лив скомкала одеяло у живота и уткнулась носом в локоть, Тару раскинула руки, будто собиралась кого-то обнять, у самой маленькой, Нимы, открывался рот на каждом глубоком вдохе. Из окна падал слабый молочный свет — на стене напротив белела привычная полоса света от Южного Маяка.

Скрежет повторился.

Тянущийся, глухой, как будто где-то наверху повернули что-то большое, тугое, и железо нехотя пошло по железу.

Инма села на постели. Волосы выбились из косы и липли к шее. Ночная рубаша сбилась вокруг ног. Она обхватила колени и прислушалась.

Южный Маяк она знала почти так же хорошо, как приют. Не башню изнутри, конечно, туда детей не пускали, а его го-

лос. По ночам он жил рядом с ними: ровно гудел в штиль, жалобно дрожал стеклами в сильный ветер, глухо отзывался в камне, если шторм бил прямо в скалы. Инма засыпала под этот шум с тех пор, как помнила себя. Иногда ей казалось, что она услышит, если Маяк вдруг замолчит, даже во сне.

Рядом зашевелилась Лив.

— Ты чего? — пробормотала она, не открывая глаз.

— Слушай.

Лив замерла, потом недовольно втянула носом воздух.

— Ложись.

— Это из Южного Маяка.

Теперь Лив открыла глаза. В полутьме они казались совсем черными.

— Тем более ложись.

Инма посмотрела на полоску света на стене. Она лежала там, как всегда, ровная и спокойная, и от этого становилось только тревожнее. Если бы Маяк погас, было бы проще: ясно, что случилась беда. А так выходило, будто беда прячется внутри света и делает вид, что ничего не происходит.

— Вдруг с ним что-то не так, — шепнула Инма.

Лив повернулась к ней всем лицом.

— Наставницы бы уже знали.

Наверное, да. Первый смотритель велел дежурить нескольким сменщикам перед Приливом. Фонарщики ходили по галереям с маслом, чистили стекла, проверяли нижние огни у скал.

Инма опустила ноги на пол. Холод пробрал ее сразу, и от этого она окончательно проснулась.

Лив приподнялась на локте.

— Ты же не пойдешь?

Инма молчала.

Им каждый день говорили одно и то же: *свет держится на верности, верность держится на крови, кровь не должна бояться*. Инма верила каждому слову. Верила так искренне, что иной раз ей самой становилось неловко, когда старшие девочки начинали вздыхать и плакать по ночам, будто их долг можно отложить.

Инма любила Маяки всей той серьезной любовью, которая не умеет сомневаться. Когда наставницы водили их в часовню и на высокой стене за алтарем дрожал белый отсвет Южного, у нее щекотало в груди от гордости. Это был их свет. Их берег. Их жизнь. Когда-нибудь и ее кровь понадобится ему тоже. Эта мысль пугала Инму, но не отталкивала. Ей хотелось быть достойной ее. Хотелось понимать хоть немного больше, чем заученные молитвы и красивые слова взрослых.

Если свет звал или жаловался этой ночью, она не могла просто натянуть одеяло на голову.

Лив схватила ее за запястье.

— Не ходи.

— Я только посмотрю, — Инма попыталась улыбнуться, но губы у нее были холодные и улыбка не получилась. Она

осторожно высвободила руку, накинула плащ поверх рубахи и обулась.

— Если поймают, — шепнула Лив ей вслед, — я скажу, что спала.

Инма оглянулась, кивнула и выскользнула за дверь.

Ночью приют становился другим. Днем он был полон голосов, хлопающих дверей, падающих ведер, молитв, смеха, ссор из-за хлеба, шипения наставниц, когда кто-нибудь разольет воду или явится в часовню с грязными ногами. Сейчас под сводами лежала тишина. Догорающая лампа у поворота бросала на стену дрожащую тень. Где-то внизу постукивала незакрытая ставня.

Инма шла быстро, стараясь ступать на края подошв. Плащ все время соскальзывал с одного плеча, и ей приходилось прижимать его локтем. Она знала, куда идет.

Инма свернула в служебный проход, о котором не полагалось знать, но все, конечно, знали. В стене за старым шкафом была щель, узкая, на уровне ее плеча. Прошлой зимой Инма нашла щель случайно, играя в прятки с Лив и Тару. С тех пор пользовалась редко, только когда хотелось побыть одной — и дальше не заходила, только разглядывала. Проход выводил к каменной галерее, соединяющей приют с Южным Маяком.

Галерея всегда была заперта.

Сегодня дверь стояла закрытой.

Инма остановилась перед ней — страшно. Стало ясно, что за этой дверью находится что-то настоящее, не из рассказов

и не из молитв, и если она сейчас шагнет дальше, ее жизнь изменится.

Скрежет больше не повторялся.

От этого становилось хуже.

Инма толкнула дверь шире и проскользнула внутрь.

За узкими окнами лежало море. Луна висела где-то за облаками, и вода казалась тяжелой, неподвижной. Волны шли к скалам без пены, черными полосами. Южный Маяк поднимался совсем рядом, и оттого Инма впервые заметила, какой он огромный. Днем башня была просто частью Побережья. Ночью, когда вся темнота вокруг собиралась у ее подножия, она выглядела чужой.

Голос донесся снизу — оттуда, где фонарики держали масло, тряпки, запасные стекла и длинные шесты для чистки наружных плафонов. Инма знала это из разговоров. Иногда оттуда приносили наверх пустые бочки, и мальчишки у двора спорили, сколько масла съедает один Маяк за неделю.

Инма подкралась к приоткрытой двери и осторожно заглянула в щель.

Служебная комната была вытянута вдоль наружной стены башни. С одной стороны темнели бочки и ящики, с другой через три распахнутых проема было видно нижнюю каменную площадку, выступавшую над скалами. На ней горели три береговых фонаря — маленькие по сравнению с главным огнем, но все равно выше человека. Их толстые стекла были открыты с тыльной стороны, медные крышки подняты,

а узкие лучи уходили в ночь над самой водой, выхватывая из темноты зубчатый край камней и черные полосы волн. Эти фонари зажигали не каждую ночь. Только в сильный шторм, густой туман или перед самым Приливом.

На площадке стояли четверо.

Первого смотрителя Инма узнала сразу. Его сухая прямая спина была такой же знакомой, как его голос. Рядом с ним возился с крышкой фонаря один из фонарщиков. Второй держал в руках длинный медный ковшик. Чуть в стороне стоял Харлан Рурк, сын Первого смотрителя. На сгибе его руки темнела сложенная ткань, а в другой руке он держал неглубокую металлическую чашу.

Инма сразу уставилась на нее.

— Ко всем трем? — спросил фонарщик с ковшиком.

— Ко всем, — сказал Первый смотритель.

Харлан не двигался.

— Этого мало, — произнес он тихо.

— До рассвета хватит, — ответил Первый смотритель.

— В прошлую ночь вы сказали так же, — фонарщик, стоявший у крайнего фонаря, опустил глаза.

Первый смотритель протянул руку.

— Чашу.

Харлан отдал ее с промедлением.

Первый смотритель взял чашу и наклонил ее над открытым задником ближайшего берегового фонаря. Внутри, под стеклом, что-то блеснуло медью.

По желобу потекла кровь.

У Инмы похолодели ладони. Башмак соскользнул и стукнул каблуком о ступень.

На площадке никто, кажется, не услышал.

Кровь исчезла в медной горловине. Огонь в фонаре на мгновение осел, а потом вытянулся тоньше, выше, белее. Свет стал резче. На мокрых камнях ниже сразу выступили четкие блики, и Инме показалось, что даже волны пошли быстрее, потянулись к освещенному месту.

Первый смотритель перешел ко второму фонарю.

— Дальний тоже сядет к утру, — сказал фонарщик у крышки.

— Не сядет, если не будешь трясти руками, — ответил смотритель.

Харлан повернул голову к воде.

Инма проследила за его взглядом — и увидела их.

Сначала одну темную спину у самой границы света. Потом еще одну. Потом несколько сразу. Черная вода у скал больше не была пустой. В ней шевелились длинные тела. Они поднимались без всплеска, скользили боками вдоль освещенной полосы и снова уходили под волну. Инма не могла их рассмотреть, но у нее все равно свело живот от ужаса.

Твари не шарахались от огня.

Они держались там, где свет ложился на воду.

Утренние молитвы, голоса наставниц, белая стена часовни, слова о том, что Маяки отгоняют тьму, — все это разом

отодвинулось, словно кто-то дернул занавеску. Внизу, прямо под Южным Маяком, черная вода была полна живых тел, и свет не гнал их прочь.

— Видите? — сказал фонарщик так тихо, что Инма едва расслышала. — Опять к самой кромке.

Первый смотритель даже не повернулся. Он вылил остаток чаши во второй фонарь.

Инма почувствовала, как в горле поднимается сухой горячий комок. Ей хотелось зажмуриться, но она смотрела. Если смотреть очень внимательно, удастся понять, что именно она видит и почему это не может быть правдой.

Харлан стоял неподвижно, только пальцы у него на ткани были сжаты так крепко, что...

Первый смотритель протянул руку к этой ткани.

— Дай.

Харлан молча развернул ее. На белой материи расплзлось алое пятно.

Инма уставилась.

На запястье Харлана была свежая повязка.

Она все поняла и не поняла ничего сразу. Только ощутила, как по спине, от затылка до поясницы, медленно ползет ледяная дрожь.

Первый смотритель взял ткань, быстро отжал несколько тяжелых капель в ковшик фонарщика и кивнул на третий фонарь.

— Хватит, — сказал Харлан.

— На нижние — да.

— Я не про нижние.

Голос у него сорвался, но только на одном слове. Первый зритель взглянул на сына так, что даже Инме стало не по себе, хотя взгляд этот предназначался не ей.

— Здесь не место спорить.

Он отвернулся и шагнул к последнему фонарю.

Инма попятилась.

Пятка скользнула по сырому камню. Плащ зацепился за торчащий из стены крюк. Инма чуть не скатилась со ступенек, стуча ботинками и царапая стену.

На площадке внизу все замерли.

Харлан вскинул голову в ее сторону первым.

Инма отпрянула от двери и бросилась в галерею. Холодный воздух полоснул горло. Она почти добежала до служебного прохода, когда кто-то быстро вышел из дверей ей навстречу, схватил за локоть и втащил за груды пустых ящиков.

Инма рванулась, но ладонь уже легла ей на рот.

— Тише, — шепнул Харлан.

От неожиданности у нее подкосились ноги. Он удержал ее, не дав удариться о пол.

Харлан был совсем близко. Темные волосы растрепались от ветра, на щеке блестела влага, то ли пот, то ли морская взвесь. Лицо у него было бледное и злое — лицо уставшего взрослого, а не подростка.

Снизу слышались шаги. Медленные, размеренные.

Первый зритель поднимался в служебную комнату.

Харлан убрал руку с ее рта, но не отступил.

— Не шевелись, — сказал он едва слышно.

Инма кивнула. Сердце колотилось так сильно, что каждый удар поднимался в голову и отзывался в висках болью.

Шаги подошли ближе, остановились за дверью. Кто-то подвинул ящик. Звякнул металл. Инма прижалась спиной к стене. Она чувствовала холод даже через плащ.

Шаги постояли еще немного и ушли обратно вниз.

Инма все это время не дышала.

— Это кровь, — выдохнула она, стирая следы ладони Харлана со своих губ.

Харлан закрыл глаза на миг.

— Да.

Инма сглотнула.

— Но... фонари же для защиты. А твари...

— Тише.

— Я тише!

Шепот получился обиженным и тонким. Инма сама это услышала и возненавидела себя за него. Ей хотелось говорить ровно, как взрослая, чтобы Харлан отвечал ей всерьез. Но она была всего лишь девятилетней девочкой и в груди у нее все дрожало.

Она упрямо продолжила:

— Наставницы говорят, свет гонит их в море.

— Тебе надо уйти.

— Это правда нужно свету?

Где-то внизу хлопнула крышка фонаря. Волна ударила в скалы так сильно, что галерея дрогнула.

— Так говорят, — резко сказал Харлан.

Инма моргнула.

— А ты?

Он чуть сжал челюсть. На секунду ей показалось, что он сейчас прикрикнет, выставит ее за дверь, как делали наставницы, когда у них не было сил объяснять. Но Харлан только перевел взгляд на полоску света, лежавшую на камне у их ног.

— Я думаю, — сказал он, — что если не залить нижние огни, они полезут выше.

Молчание затянулось. Инма слышала, как шумит за стеной море. Как одна из волн, отразившись от скалы, возвращается обратно глухим плеском. Вся ее прежняя жизнь почему-то стояла сейчас рядом с ней в полный рост: часовня, свечи, наставницы, Первый смотритель на ступенях, девочки постарше, которые шепотом считали, кого скоро призовут в Маяк. И рядом с этим всем она видела три нижних фонаря и кровь, исчезающую в медной горловине.

Она ничего не спросила, просто поглядела на его повязку. Харлан быстро увел руку за спину.

— Тебя заставляют? — отчего-то Инме сделалось тревожно не только за Маяк, но и за мальчика, связанного с ним.

Он усмехнулся без всякой веселости.

— Инма.

Он знает ее имя. Ей стало так же неловко, как если бы он увидел, что она плакала. Хотя плакать она не собиралась.

— Иди обратно, — сказал он. — Если увидят, что тебя нет в спальне, будет хуже.

— Кому хуже?

— Тебе.

Ее это возмутило.

— Я не маленькая.

Харлан посмотрел на нее, и Инма сама почувствовала, как глупо это звучит. Щеки у нее вспыхнули. Но он не стал спорить.

— Тогда води себя умно. Вернись и молчи.

— А если я расскажу?

Харлан глядел на нее еще несколько ударов сердца. Потом очень спокойно спросил:

— Кому?

Слова кончились у нее во рту.

Наставнице, которая каждый вечер велела им благодарить свет за еще один прожитый день? Лив, которая и так дрожит от любого шороха перед Приливом? Девочкам, мечтающим однажды отдать кровь Маяку с высоко поднятой головой? Даже если кто-то поверит — что потом?

Горячая тяжесть поднялась у Инмы к глазам, и она зло сморгнула ее обратно.

Харлан отпустил ее локоть.

— Иди.

На этот раз она послушалась.

Обратный путь показался длиннее. Догорающая лампа у часовни все еще горела.

В спальне Лив приподнялась сразу.

— Ну? — прошептала она.

Инма только качнула головой и юркнула под одеяло.

Простыня ледяная. Собственное тело тоже. Она свернулась клубком, подтянула колени к животу и только тогда поняла, как сильно дрожит. Лив нащупала под одеялом ее руку и сжала. Инма вцепилась в ответ.

На стене напротив все так же лежала белая полоса от Южного Маяка.

Инма смотрела на нее до рези в глазах.

Ей хотелось молиться. Очень хотелось. Сказать про себя знакомые слова: *свет держится на верности, верность держится на крови, кровь не должна бояться*. Но всякий раз, когда она начинала, перед ней вставали три нижних фонаря на площадке, повязка на запястье Харлана и темные тела, качающиеся в воде там, где лежал свет.

Может быть, для всего этого было объяснение, которого она просто не знала. Должно было быть. В девять лет трудно за одну ночь перестать верить в то, чем тебя кормили с колыбели. Тем более когда это вера в единственное, что защищает твой дом от черной воды.

Под утро Инма все-таки уснула.

Ей снилось море. Не буря, не Прилив, не твари. Просто густая черная вода под скалами. Она стояла на самом краю и смотрела вниз, а из глубины медленно поднимался свет. Не чтобы прогнать тьму. Чтобы она лучше видела, кто смотрит на нее в ответ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.